

Из рая и обратно

Почему композитор Евгений Дога решил вернуться к музыке

Признаться, я искал собеседника на эту трудную, рискованную тему довольно долго. «Поэтом можешь ли не быть?..» — спрашивал и на съездах народных депутатов поэтов, музыкантов — творцов — и понимал, что угодил «в десятку».

Поэтов в наше политизированное время стало заметно меньше. Сплошь и рядом видишь, как народного композитора заслоняет — дай бог чтобы лишь в время! — народный депутат, в итоге композитор Раймонд Паулс давненько не радуется своим новыми произведениями...

Чингиз Айтматов, Валентин Распутин — депутаты, а теперь еще и члены Президентского совета. Как вас теперь называть, Чингиз Торекулович и Валентин Григорьевич? Поэт или Гражданин? Иосифа Кобзона тоже реже слышно на эстраде, теперь он в Кремле. Все меньше играет роли в театре Михаил Ульянов, свою бы депутатскую роль «доиграть» успешно. Или вот был у нас в «Правде» хороший журналист Володя Прокушев. Теперь и он в «парламенте», но у нас-то теперь его нет, вот в чем дело.

Ну скажите, как здешнему сельсовету противостоять напору министерств и ведомств, который одинаков и в Молдавии и, к примеру, в Сибири? И вот сидим мы на заседаниях и все-то и смогли внести в законопроект поправочку такую: местные власти имеют право подавать в суд на вышестоящие инстанции. Значит, лично я проиграл, потерял. И не только, повторю, в Молдавии, а и в столице белокаменной.

◆ В жизни, как в песне?
◆ Кто затынет, тому и подпоем
◆ Громче не значит лучше

Сейчас город наступает на село со страшной силой. В Молдавии, маленькой республике, мы с этими проблемами справимся легче. Огромной России потруднее. Скажем, с экспансией Москвы на подмосковные земли уже и не справится. Потому что сейчас столица начала наступать за «кольцо», и непонятно, где это «кольцо» будет, может быть, на Урале только остановится?

Я часа полтора боролся у микрофона, чтобы поставить «стоп» наступлению на земли. Не прошло. Записали: земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает.

В каком качестве она будет принадлежать? Просто как сфера применения рабочей силы? А то, что земля является достоянием общества, достоинством человека, — такого нет в законе. Нет и того, что любое посягательство на это достояние карается законом. Любое ведомство может выпросить у того же Моссовета, или у того же облисполкома, или у того же сельсовета крупнейшие участки земли, загубить их заводами и ничем не компенсировать. Да земли и невозможно компенсировать ничем — нет такого эквивалента.

Сегодня у нас каждый год теряется, «уходит» один район пахотной земли! У нас в республике около сорока районов. Значит, уже через сорок лет у нас не останется земли. Поэтому я и говорил на Верховном Совете о законе-регуляторе, подходящем для всех. Мы его не приняли. Это личное мое поражение, мое «Ватерлоо»...

— Не слишком ли строго, Евгений Дмитриевич? Что-то же у вас принято, значит, получилось?

— Еще на первой сессии я говорил о невинно репрессированных людях, которым должны

быть возвращены все права. Пенсии репрессированным начисляются теперь по нашему предложению: один год репрессий приравнять к трем годам рабочего стажа.

— И тем не менее вы уходите?

— Я глубоко убежден, что правительство ступенька за ступенькой уступало дельцам от культуры, лжекооперативам. Значит, нужно искать «ключ», в котором бы зазвучали новые законодательные акты, стимулирующие развитие искусства. Чтобы с самых шлягерных концертов солидные отчисления шли на академические жанры,

как это было во все времена, когда серьезные виды искусства находились на дотации у императорского двора, у меценатов.

Пока мы этого не сделаем, все будет валиться, как в клоунаде. Недавно на «Мосфильме» не состоялась запись с симфоническим оркестром Госкино — не смогли набрать скрипачей. Лучшие музыканты, естественно, разбежались на заработки кто куда — вплоть до заграницы. В оркестрах некому играть, в филармониях некому петь, разваливаются наши библиотеки, из которых бегут истинные книжники... Почему люди стремятся в Большой театр? Хотите посмотреть, как оно там? Но качество давно уже отсутствует и в «большом», и в «малом», и в «среднем». И в Москве, и в Кишиневе — одинаково. Артистам некогда совершенствоваться, они дают по два-три концерта в день. Лучшие стремятся, скажем, в «Ла Скала», в оперу, которая работает на зрителя... всего полгода в году. Остальные полгода уходят на совершенствование оперного искусства. Я не думаю, что «Ла Скала» не нуждается в доходах, подолгу простаивая. Но театр поддерживает государство. Потому что оно уважает не только «Ла Скала», но и само себя. Упадёт марка «Ла Скала» — падёт «италийская» марка. Они не бояться говорить о национальной гордости. А у нас пока бродит молодое вино демократии — когда оно созреет...

— Где же выход?
— Ждать, когда общество «созреет», готовить это «созревание». Говорить об этом, не таясь. И, главное, не строить собственное мироощущение только вокруг отрицания и разрушения, вокруг тьмы. Во тьме вряд ли что увидишь. Все-таки определяющим является свет. Для тьмы не нужно вырабатывать ничего, никакой энергии. Достаточно выключить рубильник. А для света нужна все-таки энергия, нужно строить не одну духовную «электростанцию»... А то ведь у нас выросла масса людей, специалистов по затмеванию Солнца. Когда Солнце захо-

дит, они так «прекрасно» выглядят, так, кажется, ярко светят... Лучина претендует на звание светила, на озарение... Но вновь восходит Солнце, и все становится ясным.

— Могу ли я в такой ситуации, когда вы еще «раздвоенны», задать вопрос о творческих планах или еще не время?

— Закончил балет для Пермского театра. Раз в десять лет я пишу квартал, написал три квартала, самое время для четвертого. А всего я обязался за свою жизнь написать десять квартетов и все с периодичностью в десять лет... (Смеется). Давно мечтаю об опере. О том, как изгоняли богов из рая, из нашего существа, из сознания. И сработали так успешно, что в душах образовалась пустота, появилась возможность погулять ветрам... Не потому ли у нас так много ураганов?

— И как оно у вас по либретто? Боги вернутся?

— Думаю, что они найдут свои «посадочные площадки» в первую очередь в душах молодежи, которая, как и «старикни», натерпелась от бездуховности, от боли. Наверное, наступает время, когда не нужно будет говорить об исцелении ран — достаточно не наносить новых.

...Скоро полночь, но гостиная «Москва», в которой живут и работают многие наши парламентарии, никак не уюмонится. В номере у Доги не нашлось места для роаяля, обойдемся синтезатором. Я наконец-то выключаю надоевший магнитофон, композитор сбавляет громкость у своего музыкального автомата, берет аккорд... Он пишет музыку к кинофильму «Взбесившийся автобус», который Г. Натансон снимает по одной из правдинских публикаций. Музыкальная тема уже готова, я — первый, кто ее услышит и оценит. Композитор, «ласковый и нежный», как все его творчество, явно «в ударе». Так и кажется, что в эти святые минуты Боги и впрямь слетаются на Землю.

Пока живет музыка, на Земле хватит места для всех.

Н. КРИВОМАЗОВ.

Право, я и сейчас не знаю полного ответа на свой вопрос. Более того, не могу до конца разделить и мысли предстоящего собеседника. Как все творцы, он еще и максималист. Но выслушать другую сторону, поиграть гранями этой проблемы — обязан.

Итак, член Верховного Совета СССР, композитор, народный артист СССР ЕВГЕНИЙ ДОГА сказал:

— Хочу заняться музыкой.

— Конечно шутить, Евгений Дмитриевич. А «Лаутары», «Табора уходит в небо», «Мария Мирабелла», «Мой ласковый и нежный зверь», наконец, — чем не музыка?

— А потом меня не стало, — вздохнул собеседник. — Вот уже второй год я практически ничего не пишу. Значит, надо от чего-то отказаться. Два арбуза одной рукой не унесешь...

И стало ясно, что очень скоро одним членом Верховного Совета СССР станет меньше, одним композитором — больше. Но пока разговор наш — о политике.

— Евгений Дмитриевич, многие считают, что такая раздвоенность — признак истинного интеллигента.

— Наверное, это участь каждого мыслящего, неравнодушно-го человека... Взять трансляцию со съезда Российской Федерации. Свежие силы, еще не поднятые. А потом переключался на другую программу, союзный съезд, и видел тех же — если прищурить глаза, — тех же «центристов». Говоря музыкальными терминами, одноголосых. Все больше «да», «за», «давайте примем...». И все на людях, по телевизору! А ведь репетиции

на публике не проводят. Это надо делать за кулисами.

— Нам так долго не пускали ни в «коридоры власти», ни в Закулисы, что хочется заглянуть...

— К сожалению, мы превратили в репетиционную комнату всю страну... Если слушать, как «пилят» скрипку изо дня в день, возненавидишь музыку.

В 1985 году я впервые встретился с Горбачевым, — продолжает композитор. — Я увидел его в Георгиевском зале на объединенном пленуме творческих союзов. Он только что «пришел к власти». Его по привычке славоносили: называют его имя, а он еще краснеет... Но словословия прервал...

Я почему пошел в депутаты? Потому что Горбачев из моего поколения. Он тоже ребенок войны. И я пошел в эту драку. Не за себя, я за людей, которые меня попросили об этом. Мне хотелось немногого: чтобы несколько сёл юга Молдавии поверили в справедливость, в то, что я могу им помочь.

— Помог?

— На встрече с Н. И. Рыжковым в нашем комитете по науке и культуре я говорил, что в эго докладе нет слова «культура», и он со мной согласился. Ни одна программа не работает, если общество останется бескультурным. Безнравственный, бескультурный министр будет безнравственным и бескультурным руководителем министерства. Он будет совершать безнравственные акты. Значит, экономическая реформа, переход к рыночной экономике — они в первую очередь

должны опираться на нравственность и культуру.

Или взять Закон о собственности. Многие посчитали, что интеллектуальной собственности у нас быть не может! Я не профессиональный юрист или законовед, но чувю, до какого примитива мы дошли! Тот, кто делает табуретки, обозначен как собственник этой табуретки. А вот мой труд — симфония, картина или книга, изобретение инженера — это... ничто.

— Не слишком ли круто?

— Если я — Творец, если он — Пахарь — не защищены законом, значит, не круто! К примеру, что меня волновало в Законе о земле. Предлагали раздать землю крестьянам. А у нас в Молдавии этот вопрос отпадает полностью. Делить нечего! У нас считанные «сотки» земли на душу населения. Самая большая плотность в Европе. Зато земля какая! В дождь ногу из нашего чернозема не вытащишь. «Масло!» Только на хлеб намазывай. А если еще возделывать эту землю, еще посадить что-то, это уже не масло, а икра черная. А мы поставили там металлургический завод, привезли металлургов из Кузбасса. Какие нужно иметь мозги, чтобы на лучших черноземах ставить далеко не лучшие металлургические заводы и надеяться на то, что заезжие металлурги станут хозяевами земли, на которой виноградная лоза родит много лучше мартевской печи.

— Один датский принц в таких случаях говорил: превращалась связь времен...

— В Дании вовремя спохватились и восстановили эту связь...